

УДК 821.161.1.09"18"

Е.А. Гедзюк

Характер врача в рассказах А.П. Чехова «Цветы запоздалые» и «Ионыч»: постоянное и переменное в сюжетно-фабульных акцентах

В статье проводится сравнительный анализ рассказов, созданных Чеховым в разные периоды творчества. Специфика сюжетики и характеров персонажей-врачей рассказов «Цветы запоздалые» и «Ионыч» исследуется в свете инвариантных сюжетов. Подобный анализ позволяет автору сделать вывод, что при схожей фабуле и типичном, казалось бы, герое писатель показывает разные судьбы и характеры, а для этого в фабульном строении разрабатывает разные сюжетные лакуны.

Ключевые слова: проза 1880–1890-х гг.; сюжет; литературный характер; врач.

Среди героев А.П. Чехова, представляющих разные социальные слои и профессиональные группы, немало врачей, фельдшеров, акушеров, студентов-медиков, народных лекарей и др., что, несомненно, связано с образованием и многолетней врачебной практикой писателя. «Сельские эскулапы» (1882), «Мечь женщины» (1884), «Враги» (1887), «Попрыгунья» (1892), «Моя жизнь» (1896), «Случай из практики» (1898), «По делам службы» (1899) — неполный перечень рассказов, в которых Чеховым претворены значимые для него нравственные убеждения персонажей-медиков, их жизненный путь и судьбоносные решения.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, обратившись к произведениям раннего и позднего творчества Чехова, главными героями которых являются врачи, — рассказам «Цветы запоздалые» (1882) и «Ионыч» (1898), — выявить особенности художественного миромоделирования писателя. Исходные позиции определяются тем, что в «сюжетно-мотивном наращении» чеховской новеллистики отразилось «углубление психологической разработки характера», и это очевидно обнаруживается при сопоставлении двух произведений с «одним фабульным каркасом» [7: с. 12].

Рассказы «Цветы запоздалые» и «Ионыч» имеют сходную фабульную основу. В сюжетосложение заложена мысль о жизни — работе, быте, окружении и пр. — молодых преуспевающих врачей, выходцев из низших сословий, которые, несмотря на социальные цензы, были приняты благодаря своей профессии в круг местной интеллигенции. У обоих героев — Николая Топоркова и Дмитрия Старцева — большая практика, регулирование которой, согласно «Факультетскому обещанию русских врачей» (подписанному в 1879 г. и студентом-медиком

Московского университета А.П. Чеховым), должно осуществляться исключительно во имя здоровья пациента, вне использования его болезни как средства обогащения. Писатель актуализирует данное положение, сопрягая его с мыслью об изнурительном врачебном труде, подтвержденной, помимо художественного воплощения, и в эпистолярной Чехова.

Чеховедение никогда не теряло интереса к рассказу «Ионыч» [9; 3; 8 и др.]; рассказ «Цветы запоздалые» упоминается в основном в общем парадигматическом перечислении. Сравнительное изучение этих произведений минимально. Так, около полувека назад были отмечены сходство и различия в образах врачей: в качестве объединяющей этих героев детали указаны «тщательно собираемые ими пятирублевки», а отличительным признаком Старцева служит неспособность «к нравственному возрождению», декларируемому автором в образе Топоркова [4: с. 166].

Примечательно, что в рассказе «Цветы запоздалые» образ врача сформирован антитетичной парой: эпизодическим персонажем Иваном Адольфовичем и главным героем Топорковым. Смыслоразличение персонажей начинается с ономастики: у немца отсутствует фамилия; его русский коллега именуется по фамилии, а отчество и имя («запачканный Колька») обозначены мимоходом [2: т. 1, с. 399]. Речевые характеристики также принципиально разнятся: первый в постановке диагноза и аргументирующих оценках приблизителен, а второй точен и даже категоричен: «скомандовал», «отчеканивал», «резал» словами и др. [2: т. 1, с. 398, 400]. Внимание уделено и их внешности: наружность Ивана Адольфовича карикатурна — это «маленький человечек» с «большой лысиной, глупыми свиными глазками и круглым животиком», а Топорков, напротив, сложен безупречно — «точно из слоновой кости выточен», но повествователь подчеркивает, что его «красивое» и «умное» лицо выражало только утомление «целодневным тяжелым трудом» [2: т. 1, с. 396, 397, 406].

В позднем рассказе «Ионыч» Чехов, освоив такую оппозицию, сосредоточился на едином и неделимом герое-враче. Предельно краткой экспозицией произведения становится указание повествователя на то, что в Дялиж, расположенный неподалеку от губернского города С., приехал молодой доктор — «дьячковский сын» Дмитрий Ионыч Старцев, который, живя «среди больных и мужиков» и выполняя обязанности земского врача, в своей деятельности руководствуется одним принципом — служением больным [1: т. 10, с. 32, 27].

Мысль о неустанном труде врача и неизбежных эмоционально-психологических издержках органична для творчества Чехова в целом. Однако формирование профессиональной деформации, когда радость доставляют уже не сами успехи врачевания, а лишь материальное вознаграждение, полученное за эту помощь, обусловлена, по Чехову, обывательской средой. Способность или неспособность устоять в этой среде, сохранить или утратить живую душу и высоту профессионального призвания — центральная проблема, волновавшая писателя. С этой целью Чехов вводит в произведения любовную тему, проверяя своих героев на собственно человеческую состоятельность.

Образы княжны Маруси Приклонской («Цветы запоздалые») и Екатерины Ивановны Туркиной («Ионыч») близки и разнятся одновременно. Сюжетная детализация в любовных перипетиях также разнопланова и при этом изоморфна [6]: Маруся любит смотреть в окно — этот актуальный для мифологии и литературы мотив маркирует связь с миром инобытия, а Котик назначает Старцеву свидание на кладбище.

На наш взгляд, в анализе рассказа «Цветы запоздалые» продуктивен подход, предложенный М.Ч. Ларионовой: традиционные сюжетные схемы, воплощаясь в литературных текстах, имплицитно отражающих культурную картину мира, образуют сходные ситуации и образы [5].

Так, сказочная парадигма «змей – царевна – герой» может быть соотнесена с любовной линией рассказа «Цветы запоздалые». В народном сознании змей — инфернальный персонаж, наделенный силой и богатством, соблазнитель женщин, похититель царевны, в литературе этому образу свойственны — чуждость, огонь и дорога [5: с. 36, 38]. Согласно инварианту встреча со змеем грозит царевне болезнью, а в некоторых случаях — смертью, Маруся тоже вдруг смертельно заболела. Образ Топоркова биполярен: он маркирован как змей и герой одновременно, но, воплощая функцию героя, доктор силой своего профессионализма спасает девушку. Затем ее жизнь превращается в непрерывный сон, где есть только одно действующее лицо — Топорков: он являлся ей в разных идиллических картинах, даже за работой врача, но повествователь уточняет, что иногда герой притворялся. Инфернальная природа змея в этом персонаже актуализируется и в деталях: он пролетал перед окнами княжны, а шуба и полог его саней были из шкуры медведя — тотема и оборотня. Как губитель герой выступает и в истории сватовства, начавшейся как фарс. Ожидания Маруси были обмануты, однако магия его образа не исчезла: девушка не сопротивляется соблазнению и нарушает запрет, покидая свой микромир.

Прием доктором больных описан с точки зрения повествователя: образы пациентов-женщин маркируются как мнимые больные, и, хотя Топорков показан хорошим диагностом, его профессиональные качества оспариваются повествователем («шарлатанство» [2: т. 1, с. 431]).

Находит отражение в повествовании и мотив дороги: герой увозит больную девушку в иной мир, где в соответствии с мифологическими представлениями за нарушение запрета и связь со змеем-доктором она расплачивается смертью.

Следует отметить, что акцентируемое повествователем чувство Топоркова к Марусе было для «запачканного» жизнью героя скорее воплощением нравственной чистоты, нарушившей привычный ритм его существования и вызвавшей воспоминания об идеалах юности. Однако это осознание не тождественно внутреннему возрождению Топоркова: поступки доктора архетипически обусловлены, это подтверждено и уточнением повествователя, что Топорков «зажил по-прежнему» [2: т. 1, с. 431].

Эстетика позднего творчества Чехова актуализируется в углублении личностных характеристик персонажа. Нам представляется, что, вынося в заглавие

рассказа «Ионыч» отчество героя, писатель проводит аналогию с текстом притчи о пророке Ионе¹, используя релевантный ономастический прием для соотнесенности характера Старцева с поведенческим канонем, воплощенным в инвариантном сюжете [10: с. 10].

В свете библейской фабулы хронотоп повествования приобретает знаковые особенности: город С. позиционируется в художественном пространстве рассказа как языческая Ниневия, а Старцев — как «неправильный» пророк Иона. В первый раз герой отправляется в С. на Вознесение, церковный смысл этого праздника заключается в благословении апостолов на проповедь. Поначалу молодой доктор, получивший университетское образование, действительно предпринимает робкие попытки разоблачить культурные штампы, в которые обитатели уездного города облачают мещанский уклад своей жизни, но вместо того, чтобы врачевать пороки людей, он, «поддавшись общему увлечению», находит общество «образованных» обывателей города «занятым». Затем Старцев пытается уклониться от своего предназначения, уединившись в Дялиже и проведя больше года «в трудах и одиночестве» [1: т. 10, с. 27–28].

Затворничество доктора закончилось после получения письма от Туркиных. Герой все чаще бывает в их доме, а предметом его интереса становится дочь семейства Екатерина Ивановна. Соскучившись по разностороннему общению, молодой человек во время свиданий «жаждет» ее слова, отзыва о прочитанных книгах. Голос разума не останавливает влюбленного его от дискредитирующих в глазах общества и коллег поступков: Старцев едет ночью на погост — место свидания, а затем, сменив халат врача на «чужой фрак», объясняется в любви и получает отказ [1: т. 10, с. 34].

Традиционно сцена на кладбище толкуется исследователями как «поворотный пункт» в жизни героя. Инициация Старцева маркируется как природными явлениями (внезапной тьмой, сменившей лунный свет), так и потерей им остроты зрения: «точно опустился занавес», и затем он «часа полтора бродил» в поисках своего экипажа [1: т. 10, с. 32]. В библейских источниках указано, что божественная воля одним открывалась вербальным путем, другим — как видение. В числе последних был и чеховский персонаж. Поначалу его поражает картина ночного некрополя, где впервые жизнь была явлена ему как тайна; но ощущения меняются, когда Старцев видит себя мертвым, чувствуя

¹ Ветхозаветная история повествует об Ионе, прозванном «неправильным» пророком. В чем заключается его инаковость? Иона был послан Богом в языческую Ниневию, чтобы предупредить ассирийцев о скорой гибели, если они не прекратят злодеяния. Миссия несла угрозу его собственной жизни, поэтому пророк решил бежать через Средиземное море в Таршиш. Когда корабль попал в шторм, матросы-язычники молились, а избранник находился в забытьи, так велико было его желание уклониться от своего предназначения. Затем Иона признался, что причина бури в нем, и попросил выбросить его в море, где был проглочен большой рыбой, в чреве которой находился в течение трех дней и ночей. Бог вынул молитвам непокорного пророка и снова отправил его в Ниневию. На этот раз Иона исполнил повеление, ниневитяне поверили его словам и раскаялись. Они получили прощение, а Иона — урок человеколюбия.

при этом чей-то взыскательный взгляд. Завершается эта сцена эротическим кадром. Мотив извечной борьбы жизни и смерти здесь проецируется не только на семантику локуса, но и на античные представления об умирании и возрождении богини хтонического происхождения Деметры, с которой соотнесено значение имени героя. А страсть и сексуальное томление, овладевшие доктором, казалось бы, в столь неподходящем месте, могут быть восприняты как сублимация его чувств к Котику и как маркеры сексуально-телесной символики, присущей культуре плодородия.

Следующий жизненный этап героя знаменуется переходом Дмитрия Ионыча в Ионыча — душа поработается чревом, а попытки проповедовать не получают должной реализации.

Функции пророков были направлены на два темпоральных измерения — настоящее и будущее: обращение к современникам с наставлениями и обличениями, а также предсказания. Эти тенденции свойственны и идеям Старцева. Однако его попытки убедить праздных обывателей в необходимости физического и интеллектуального труда воспринимались как «упрек» и вызвали отрицание, а когда он высказывал смелые пророчества о будущем, говоря об отмене «паспортов и смертной казни», то даже «либералы» не верили ему [1: т. 10, с. 35–36]. Повествователь уточняет, что утративший человеческую сущность Ионыч уподобился языческому идолу — Деметра одержала верх над пророком Ионией. Деньги стали неотъемлемой составляющей его жизни, а ежевечернее раскладывание «бумажек» превратилось в ритуал, в котором своеобразной метафорой служат лишь купюры с запахом ворвани — жира, получаемого из сала морских млекопитающих. Парадоксально, но в этом новом качестве Старцев испытывает острую потребность в функциях пророка как воспитателя и наставника, не осознавая, что этот путь сопряжен с любовью, воспоминания о которой вызывают у него лишь чувство стыда.

Таким образом, сопоставление рассказов Чехова с прецедентными текстами позволяет выявить индивидуально-авторскую инициативу в характеристике персонажей. В раннем рассказе акцент сделан на врачебной деятельности Топоркова, усталость от которой приводит его к эмоциональной выхолощенности. Даже встреча с Марусей не возвращает героя к идее служения — это констатирует и повествователь: рациональность доктора подчеркивается возвращением к накопительству. В истории Старцева Чехов идет иным путем: изображает поначалу молодого врача-аскета; а затем показывает его профессиональную и нравственную деградацию (Ионыч ничего не читает, не развивается; приоритетом становится не помощь больным, а добыча денег). Это диалектика беды и вины: беда в том, что Старцев оказался слаб — не смог противостоять пошлости среды, но это одновременно его вина ввиду сознательного отказа от служения как от высшего предназначения человека. Оба героя, заявленные как разночинцы — носители прогрессивного сознания, не прошли испытания человечностью и любовью.

Библиографический список**Источники**

1. *Чехов А.П.* Ионыч // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Т. 10. М.: Наука, 1977. 496 с.
2. *Чехов А.П.* Цветы запоздалые // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Т. 1. М.: Наука, 1974. 608 с.

Литература

3. *Богданова О.В.* Две редакции рассказа А.П. Чехова «Ионыч» // Литературные направления и течения: анализ литературного произведения. Вып. 75. СПб.: СПбГУ, 2016. 50 с.
4. *Куликова Е.И.* К вопросу о становлении реализма в творчестве Чехова (сравнительный анализ «Цветов запоздалых» и «Ионыча») // Вопросы русской и зарубежной литературы. Т. 2. Куйбышев: [Б. и.], 1966. С. 165–182.
5. *Ларионова М.Ч.* Архетипическая парадигма: миф, сказка, обряд в русской литературе XIX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Таганрог, 2006. 344 с.
6. *Лоскутникова М.Б.* «Вечный» образ Дон Жуана: европейские традиции и вклад А.П. Чехова в их разработку // Вестник ЦМО МГУ. Сер. «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». 2010. № 4. С. 86–91.
7. *Лоскутникова М.Б.* Особенности стиля А.П. Чехова (на материале рассказов «Длинный язык» и «Дама с собачкой») // Вестник РУДН. Сер. «Литературоведение. Журналистика». 2009. № 6. С. 5–13.
8. *Макаров Д.В.* Библейские мотивы (ветхозаветные и новозаветные) в рассказе А.П. Чехова «Ионыч» // Вестник УлГТУ. 2013. № 3 (63). С. 16–19.
9. *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Чехов / сост., подгот. текста, примеч. И. Михайловой // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: в 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1989. С. 468–481.
10. *Романова Г.И.* Картина мира в рассказе А.П. Чехова «Мечты» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2017. № 1 (25). С. 8–13.

References**Istochniki**

1. *Chexov A.P.* Iony'ch // Chexov A.P. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 18 t. T. 10. M.: Nauka, 1977. 496 s.
2. *Chexov A.P.* Czvety' zapozdaly'e // Chexov A.P. Poln. sobr. coch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 18 t. T. 1. M.: Nauka, 1974. 608 s.

Literatura

3. *Bogdanova O.V.* Dve redakcii rasskaza A.P. Chexova «Iony'ch» // Literaturny'e napravleniya i techeniya: analiz literaturnogo proizvedeniya. Vy'p. 75. SPb.: SPbGU, 2016. 50 s.
4. *Kulikova E.I.* K voprosu o stanovlenii realizma v tvorchestve Chexova (sravnitel'ny'j analiz «Czvetov zapozdaly'x» i «Iony'cha») // Voprosy' russkoj i zarubezhnoj literatury'. T. 2. Kujby'shev: [B. i.], 1966. S. 165–182.

5. *Larionova M.Ch.* Arxetipicheskaya paradigma: mif, skazka, obryad v russkoj literature XIX veka: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01. Taganrog, 2006. 344 s.

6. *Loskutnikova M.B.* «Vechny'j» obraz Don Zhuana: evropejskie tradicii i vklad A.P. Chexova v ix razrabotku // Vestnik CZMO MGU. Ser. «Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika». 2010. № 4. S. 86–91.

7. *Loskutnikova M.B.* Osobennosti stilya A.P. Chexova (na materiale rasskazov «Dlinny'j yazy'k» i «Dama s sobachkoj») // Vestnik RUDN. Ser. «Literaturovedenie. Zhurnalistika». 2009. № 6. S. 5–13.

8. *Makarov D.V.* Biblejskie motivy' (vetxozavetny'e i novozavetny'e) v rasskaze A.P. Chexova «Iony'ch» // Vestnik UIGTU. 2013. № 3 (63). S. 16–19.

9. *Ovsyaniko-Kulikovskij D.N.* Chexov / sost., podgot. teksta, primech. I. Mixajlovoj // Ovsyaniko-Kulikovskij D.N. Literaturno-kriticheskie raboty': v 2 t. T. 1. M.: Xud. lit., 1989. S. 468–481.

10. *Romanova G.I.* Kartina mira v rasskaze A.P. Chexova «Mechty'» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2017. № 1 (25). S. 8–13.

E.A. Gedzyuk

Character of Doctor in A.P. Chekhov's Short Stories «Cvety Zapozdalye» and «Ionych»: Permanent and Variable Aspects in Story Plots

The article represents a comparative analysis of stories, created by A.P. Chekhov in different periods of time. The emphasis is largely on the specific nature of plots and characters (doctors) in the stories «Cvety zapozdalye» and «Ionych», which is studied in the framework of invariant plots. It enables the author to conclude that though the plot being similar and the key character typical the writer reveals differences in life stories and attitudes, which is various gaps in the plot are for.

Keywords: prose of the 1880–1890-s; plot; literary character; doctor.